

Вера Сытник – журналист, писатель, член Международной гильдии писателей. Автор нескольких книг рассказов и романов. Пропагандирует отечественную литературу в Китае, сотрудничает с журналом «Русское искусство и литература». Лауреат многочисленных конкурсов и премий. Живёт в России и в Китае.

ТЕМА СЕМЬИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЮРИЯ НИКОЛАЕВИЧА КУРАНОВА

I

По предложению президента В. В. Путина начавшийся 2024 год объявлен в России Годом семьи. Отрадно, что в русской современной литературе есть имена, крепко связанные с темой семьи, могущие дать пример искренней озабоченности её проблемами и способствующие возрождению православных семейных традиций.

5 февраля 2024 года исполняется 93 года со дня рождения замечательного писателя Юрия Николаевича Куранова (1931–2001). Это имя отстоит от нас не так далеко, чтобы забыть о нём. Но и не близко, если принять во внимание масштаб изменений общественно-социальной жизни в нашей стране и учесть, что развал СССР и грянувшая перед этим перестройка (1987–1991) буквально перемололи людей, а вместе с ними и советскую литературу, из которой вышел Куранов.

В период перестройки на арене объявилась литература резко социальная, остро политическая, дерзко настроенная по отношению к советским идеалам. Прошлые ценности разом отодвинулись в тень, уступив место стремлению подвергнуть враждебной критике то, чем страна жила больше семидесяти лет. Как оказалось, недовольства накопилось много, как в умах людей, так и в их душах. Ум уже не мог вместить размаха социальных противоречий, а душа сжималась от страха перед выглядывающим из-за каждого угла оскалом империализма, чем ещё совсем недавно пугали советских граждан, говоря о западных странах.

Вперёд вышли авторы, которые или считались под запретом до этого времени, или только-только заявляли о себе как о новых литературных кадрах. Читатель за короткое время познакомился с русской литературой XX века во всём её многообразии. Но с ускорением перестройки художественность и духовность быстро сдавали свои позиции под натиском обличительной публицистики, которая торопилась обрушить на читателей неизвестные доселе шокирующие факты истории и завладеть всеобщим вниманием.

Советские писатели каждый по-своему отреагировал на изменения в обществе: кто-то, растерявшись, и вовсе перестал писать; кто-то, отринув принцип социалистического реализма, пустился осваивать реализм критический; кто-то подстраивался под новые реалии, не гнушаясь приёмами жёлтой прессы. Находились и те, кто надолго задумывался, обращался к Богу и уже под иным углом рассматривал действительность. Таких, кто бы искренне уверовал и перенёс веру в свои произведения, было немного. Советский атеизм, ввевшийся в сознание людей, корёжил и души, не давая открыться навстречу Тому, Кто являлся краеугольным камнем русской классической литературы – Богу.

К последним принадлежал Юрий Николаевич Куранов, чьё творчество в советское время отличалось неповторимой индивидуальностью. Это выразилось в глубине психологических портретов, в умении чувствовать и описывать природу; в метафоричном, густом и сочном художественном стиле, в тонкой философичности и лиричности его прозы, которая уже была одухотворена невидимым присутствием Бога, ибо настоящий писатель не может не чувствовать этого присутствия, и как будто бы только и ждала, когда автор это осознает и назовёт вещи своими именами. Уже в семидесятые годы, начиная с крещения в сорокалетнем возрасте, происходит обращение писателя к Богу и постепенное

переосмысление своего творчества, причинно-следственных связей в нём. Светлогорск же сильно преумножил эти тенденции.

Светлогорский период, продолжавшийся около двадцати лет, изучен литературоведами мало по причине углублённости писателя в духовные сферы, что требует от исследователей быть просвещёнными в данной теме не только теоретически, но и на практике, в жизни. Между тем такое произведение, как «Тепло родного очага», завершённое в Светлогорске, является настолько злободневным и актуальным, что приходится только поражаться способности автора ухватить и очертить проблему, ставшую наиглавнейшей для сегодняшней России. Речь идёт о семье и её ценностях. Куранов, как истинный патриот своей родины, не боялся взглянуть в лицо правде и начать со своими читателями непростой разговор о семье. Разговор, который мы теперь, в Год семьи, должны продолжить. Но прежде немного о том, откуда, из какого уголка истории пришёл к нам Куранов и с каким писательским багажом приехал на Калининградскую землю.

Пять областей России (Ленинградская, Московская, Костромская, Псковская и Калининградская) могут с полным правом называть Юрия Николаевича своим писателем, так как в каждой из них он оставил свой след.

Петербург (Ленинград) считает его своим по праву рождения. Куранов появился на свет 5 февраля 1931 года в стенах Русского музея, где тогда работала его мать – Людмила Александровна Иванова. Здесь же находилась небольшая семейная квартирка. В роддом поехать опоздали, и роды случились в одной из комнат музея. Отец писателя – Николай Владимирович Куранов – тогда работал в Эрмитаже заведующим реставрационными мастерскими. И Людмила Александровна, и Николай Владимирович были художниками, то есть людьми, настроенными на эстетику. До шести лет будущий писатель бегал по залам Русского музея, исподволь впитывая атмосферу высокого искусства, запечатлевая в памяти картины и скульптуры мастеров, выставленных в музее.

В 1937 году отца обвинили в троцкизме, сослали на Соловки и вскоре направили работать на Норильский металлургический комбинат. Все родные с его стороны тоже подверглись репрессиям. Им было приказано ехать на поселение в Омскую область, куда Юрий отправился вместе с дедом и бабушкой. Красота сибирской земли очаровала мальчика. Это было второе после Русского музея глубокое впечатление, которое он понёс по жизни. Возможно, оба эти фактора (Русский музей и сибирская природа) сыграли решающую роль в формировании творческого мировоззрения Куранова, для которого с тех пор слились воедино любовь к искусству, к природе, к городу и к деревне. Подростком он уехал к отцу в Норильск. Во время войны работал в колхозе, на лесозаготовках. В Норильске же окончил среднюю школу.

Затем в Москве поступил на искусствоведческий факультет МГУ (1950–1953). Вспоминая то время, Куранов много лет спустя писал в «Воспоминании о детстве»: «Когда я поступил в университет Москвы, никто из моих однокурсников не имел представления не только о Сомове, Головине, Мережковском или Рерихе, но многие из нас никогда не слышали имён Бунина, Нижинского, Фешина, Борисова-Мусатова и Стравинского. <...> Мы были забыты, но самоуверенны, мы были молоды, но уже состарились. Мы не просто ничего не знали, но порою и не хотели знать. <...> Каждый из нас, прибывший в Москву, только к концу своей жизни узнавал, что в другие времена и на других концах земли узнавали будущие поэты и художники ещё в детстве».

Через три года понял, что искусствоведение – не его призвание, и поступил во ВГИК на сценарный факультет (1954–1956), который не окончил: увлёкся сочинительством. Запоем читал тогда Бунина, о котором ему рассказал Всеволод Александрович Рождественский, которому он в 1955 году принёс свои стихотворения. Читал Бодлера, японскую поэтессу Сэй Сёнагон, видя в них мастеров слова. Первые стихи были напечатаны в 1956 году в коллективном сборнике «Первое знакомство».

В то же время познакомился со своим любимым писателем Константином Георгиевичем Паустовским. Куранов вспоминал: «К Паустовскому меня Илья Френкель отвёз на Котельническую набережную в 1956 году осенью. Константин Георгиевич только что вернулся из плавания вокруг Европы на теплоходе “Победа”. Я давно мечтал с Паустовским встретиться, тогда он был уже очень болен. Паустовскому понравились мои рассказы, и он передал их В. Каверину. В. Каверин тогда в Союзе писателей СССР занимался работой с молодыми. Он и Э. Казакевич были в редколлегии “Литературной Москвы”. Вот туда они и взяли мои рассказы (из беседы с Владимиром Стеценко, «Вопросы литературы», 1981, № 5).

Встреча определила дальнейшую судьбу Куранова, который многому учился у Паустовского: «Я был ошеломлён и обрадован, когда впервые раскрыл страницы книги К. Паустовского, – вспоминал впоследствии Юрий Куранов. – С тех пор неотступно помогал он, как родной и несказанно близкий человек, искать и любить простые и на первый взгляд непритязательные мгновения, события, предметы, из которых складывается добро человеческой жизни. Как писатель, он одним из первых учил меня ценить живое дыхание слова, пение красок, мудрую простоту повседневности, под которой скрыты глубинные движения человеческого сердца» (Избранное. Вступительная статья В. Стеценко «Удивительная красота обыкновенного»).

В Москве Куранов провёл около семи лет. Не имея своего угла, слоняясь по общежитиям и друзьям, ночуя в чужих домах, понял, что его это не устраивает, и в 1957 году уехал к другу в село Пыщуг Костромской области, где спустя два года поселился окончательно, обретая там желанный покой и семью. Владимир Васильевич Клевцов в своей книге «Литературные портреты» пишет: «В Пыщуге женился на пыщуганке Зое, Зое Алексеевне, племяннице художника Алексея Козлова, по-северному белолицей и русоволосой, в маленьких веснушках, которые, казалось, прыгали по лицу от каждой её улыбки». Жена стала верным другом и помощницей. В общей сложности в период с 1959 по 1981 год Юрий Николаевич постоянно проживал в деревне.

Отдаление от московской богемной жизни не замедлило сказаться на творчестве. В Пыщуге Куранов неустанно занимался сочинительством и быстро превратился в признанного писателя. В 1959 году его рассказы и миниатюры были напечатаны в журнале «Новый мир», которые тотчас перепечатала газета «Правда». Все они вошли в сборник под названием «Лето на Севере», который был издан в Костроме в 1961 году. Так начался его успех в качестве самобытного литератора. По одной этой книге Юрия Николаевича в 1962 году приняли в члены Союза писателей СССР. В Пыщуге Куранов стал известен как автор прекрасных миниатюр, обнаруживающих необъятное богатство русского языка, лиризм и мудрость их создателя. Критика, настроенная весьма благосклонно, усматривала в его прозе влияния и традиции И. С. Тургенева, И. А. Бунина, М. М. Пришвина, К. Г. Паустовского.

В 1969 году писатель переехал на псковскую землю, в село Глубокое. Здесь он продолжает писать рассказы и миниатюры, работает над документально-романтическим романом «Глубокое на Глубоком» (М., 1982), где первым заводит речь о трагической гибели «неперспективных» деревень. В 1975 году журнал «Октябрь» начал публиковать главы из него. Пишет роман «Заозерные звоны» (М., 1980), замечательный тем, что в нём утверждается главная мысль: для возрождения Нечерноземья необходимо строительство не столько экономическое, сколько духовное. Заканчивает лирическую повесть «Озарение радугой» (Л., 1984) по мотивам жизни костромского художника Алексея Козлова. Речь в ней идёт о тайне творчества. Но в большей степени ум и сердце писателя заняты проблемами деревни. С позиций члена Совета по Нечерноземью он углубляется в публицистику, развивая эту тему, и со всей своей искренностью и горячностью пытается вмешаться в решение социально-экономических проблем области. Это вызвало недовольство чиновников, и в 1982 Куранову вместе с семьёй пришлось переселиться в г. Светлогорск Калининградской области, где он живёт до своей кончины в 2001 году.

«Я приехал в Светлогорск зимой. Над морем опускался снегопад. Он был густой, тяжёлый, синеватый. Сквозь снегопад слышался равномерный, певучий шелест, словно кто-то нашёптывал негромко некие длинные стихотворные строки множеством глуховатых мужских голосов. То это был беспечный хор, то длительное и глубокое молчание, в глубине которого колыхались густые и бесконечные же хлопья снега. Иногда сквозь снегопад проступали тёмные, какие-то сказочно каменистые остовы сосен, которые замерли и о чём-то переговаривались еле слышно среди островерхих черепичных крыш здешних очаровательных домиков» («Таинственный шум», альманах «Дуновение дюн», Калининград, 2004, вып. 1).

Позади остались Ленинград, Москва, Пыщуг, Глубокое. Куранов – в прекрасном возрасте, ему за пятьдесят – расцвет творческих сил! Здесь он пишет художественно-документальную повесть «Путешествие за птицей», ряд повестей, рассказы, исторический роман «Дело генерала Раевского» (М., 1997). Он зрелый писатель, которого публикуют центральные газеты и журналы, издаются его книги, в том числе и за рубежом. Можно сказать, что позади и поиски своего стиля, который с годами сделался более исповедальным, более полновесным и объёмным, более сочным и красочным.

Его длинные многоступенчатые предложения, необычайно стройные и выразительные, отражали его природное языковое чутьё и его бесконечную работу над словом. В дальнейшем, будучи признанным писателем, он проникся глубоким уважением к слову, используя его как ниспосланный свыше дар. Куранов писал: «Слово – это живой прекрасный организм... только тогда, когда ты слово не выливаешь куда попало, а когда ты обращаешься с ним как с прекрасным существом, живым и разумным... бережно, с любовью истинной... и пытаешься найти только то место, где в единственном варианте оно может стоять, только в том сочетании, только с той окраской, вот тогда слово не погибнет» (Вопросы литературы, 1981, № 5)

Читая «Тепло родного очага», нельзя не восхититься полновесным авторским стилем, в котором так и слышится, так и видится вся Русь со всеми её полноводными реками, журавлиными стаями и густыми лесами. Ибо ничто так не передаёт глубину и величие, простоту и нежность природы родной страны, как грамотная художественная речь, которая, словно оттиск природы, встаёт перед нами во всей красе на страницах книг мастеров слова, к которым относится Юрий Николаевич Куранов. Что за чудная картинка рисуется перед глазами, когда читаешь вот это: «Позванивали лёгкие лесные колокольчики, какие-то сухие кленовые палочки постукивали друг по другу, звучно и почти невещественно рассыпались на мелкие чешуйки падающие вниз по стволам нежнейшие еловые шишки, и семя золотистое их далеко рассеивалось в сумрачном воздухе глубины леса» («Тепло родного очага», глава I).

Потрясающей выразительности проза достигалась за счёт того, что Куранов сознательно обогащал её лексическим разнообразием, добиваясь идеального звучания фразы, из которой выплывал наружу очередной опозитизированный образ: «Но иногда мне кажется, что дом этот возник однажды осенью из золота кленовой листвы, из ветра и ещё из тонкой синевы озёрной ряби. Он появился как-то на рассвете среди тишины и шелеста, среди безветрия и бега облаков, когда сердце замирает, как робкая птица, и стучит одновременно на всю вселенную» (миниатюра «Дом на крыльях»).

Куранов относился к поэзии и прозе с одинаковой требовательностью. Он знал тайны стиха, миниатюры (этого, как он говорил, промежуточного между стихотворением и прозой жанра), знал тайны прозы, в которой всё перечисленное чудесным образом соединялось. В подтверждение этого можно привести слова писателя, в которых заключена его принципиальная творческая позиция. Куранов говорил: «Я не принимаю прозы, в которой нет поэзии. Такая проза для меня мертва» («Воспоминания о детстве», альманах «Дуновение дюн», 2005, вып. 2). Всю творческую жизнь он вдохновенно насыщал свои прозаические тексты особой поэтичностью, оберегая их от стилистической сухости.

Светлогорск, на двадцать лет приютивший семью Куранова, стал для писателя духовной гаванью, заслуженно посланной ему Богом, возможно, для того чтобы улеглись внутренние метания и окончательно сформировались религиозные взгляды. В прошлое ушли крещение и венчание, о которых его дочь Марина несколько десятилетий спустя сказала: «Они крестились в один день. На следующий день родители повенчались. И крестились, и венчались у отца Валериана Кречетова в храме в Отрадном, под Москвой. Чуть позже папа скажет: “Я никогда не видел Зою такой красивой!” Папе было сорок лет, а маме тридцать пять. И началась жизнь уже на другом уровне, жизнь с Богом» (газета «Призыв», 14 июня 2022 г.).

Самое главное, что в прошлом осталась вредоносная привычка, о которой упоминает исследовательница творчества Куранова Людмила Поликарпова в своей работе «Родник, утоляющий жажду». Вспоминая псковский период жизни писателя, когда у Куранова испортились отношения с государственными чиновниками, исследовательница пишет: «Видимо, разочарования в окружающей действительности накапливались, а регулярные попытки снятия нервного напряжения алкоголем только усугубляли внутренний разлад. Дойдя до отчаяния и осознав своё бессилие, он в последней надежде стал взывать к Богу. Переживание, достигшее максимального напряжения, в молитвенной просьбе о помощи разрешается исцелением. Это воспринимается как божественное откровение. <...> Пагубное увлечение навсегда преодолевается. Происходят поиски земной церкви. Рядом появляется человек глубокой религиозности, Андреев Владимир Александрович, преподаватель псковского института, который помогает Куранову в изучении богословия. С обретением веры в Бога открываются просторы вечности и радость сотворчества».

Мучительные духовные искания, приведшие его к иной литературе, к Богу, тоже в прошлом. Куранов открыл для себя церковные книги, учения святых отцов. Это перевернуло его представления

о мире вообще и о литературном творчестве в частности. Писатель часто задумывается над тем, какую ценность имеет его художественный стиль, который так много хвалят, которому он и сам радовался, когда работал над стихами и прозой. Чего всё это стоит, если посмотреть на творческий процесс с богословской точки зрения. И сам себе отвечает: «Трудно сказать, пошёл ли бы я в литературу, если бы с юности знал правду о том, куда я так рвусь, если бы с ранних лет имел доступ к тем знаниям, которые проливают истинный свет на жизнь и смерть. Правда, нужно быть благодарным за то, что я хотя бы к концу жизни кое-что узнал из того, что должен был бы знать с детства. Конечно, я слишком поздно услышал горькие слова Григория Богослова о языке: «Кто исчислит все те огорчения, какие причиняет язык? Если захочет, без всякого труда, в одну минуту заставит враждовать дом с домом, город с городом, народ с властелином, царя с подданными, как искра, мгновенно воспламеняющая солому. Плывущих на одном корабле, сына, родителя, брата, друга, супругу, супруга – всех удобно вооружает одного против другого. Злого делает добрым, а доброго, напротив того, погубит, и всё это опять переиначит. Кто переможет слово?» («Воспоминания о детстве», альманах «Дуновение дюн», 2005, вып. 2).

Светлогорский период – это полное проникновение в православную веру и осознание себя как верующего человека. «Я православный человек. Я теперь открыто и свободно могу говорить о том, о чём говорят в церкви», – сказал он в «Напутствии» в мае 2000 года. К этому времени Куранов приходит к главному – к пониманию того, что «... Спасти мир может только Спаситель – Иисус Христос. В Христа, в его сущность входит Красота. <...> Вот эта Красота спасёт мир. Но не красивость и не красота Его главное значение. Ибо, как мы знаем, что такое Христос? Христос – это Истина. И что такое Красота? Истина, заключённая в Боге... в человеке вселенский Божий Образ является красотой, а не красивая наружность...» (беседа с Владимиром Стеценко).

В его жизни многое предполагало неизбежную встречу с Богом. Ему с детских лет было свойственно проникновенное отношение к природе. В «Воспоминании о детстве» писатель сказал: «... среди самых дорогих моему сердцу ощущений... я вспоминал одно. В шестилетнем возрасте я оказался в ссылке... И вот впервые попал я в настоящий цветущий лес. И какая-то деревенская девочка показала мне в глубине лесной ароматно расцветший огромный цветок. Я поражён был этим цветком... склонился над ним и долго смотрел в него, чувствуя, как он светит мне в лицо, я дышал его благоуханием». И далее Куранов пишет: «... особенно я любил облака... и ветер... Они были прекрасны во всех отношениях... Мы останавливались в горах и долинах, у ручьёв и ключей и пили прекрасную воду... И я воспевал всё это и в стихах, и в прозе».

В раннем детстве в нём проснулось чувство языка. Вот как это происходило по его собственным словам: «А в шестилетнем возрасте вдруг я оказался на Иртыше в деревне. Школа ютилась в избе. Четырёхлетка. Учились в две смены. Парты стояли в два ряда в маленькой комнате. Левый ряд был для первоклассников, правый – для третьеклассников. Первый класс учился вместе с третьим. Вот они изучали там русский язык, грамматику. И примеры заучивали:

Румяной зарёю
Покрылся восток,
В селе за рекою
Потух огонёк.

Я слушал, чем занимаются третьеклассники. И вот эти прекрасные слова меня удивляли: как это можно так писать! Эти слова точно соответствовали тому, что я видел в природе. Это меня поражало. Тогда-то и захотелось мне так же говорить и писать» (из беседы с В. Стеценко, «Вопросы литературы», 1981, № 5).

Всё это обогащало душу писателя. Невольно на ум приходят мысли о том, что нельзя так проникновенно чувствовать природу и восхищаться ею, как это делал Куранов, не заподозрив её божественного происхождения. Нельзя так глубоко проникать во внутренний мир человека, что показал нам Юрий Николаевич, не предположив, что человек – подобие Бога. Нельзя быть чувствительным к красоте, как это было в случае с Курановым (если вспомнить его детство, проведённое в залах Русского музея), и не задуматься о ней, как о проявлении Божьей истины. Нельзя любить облака и небо, не насторожившись насчёт первопричины Вселенной. Нельзя разом исцелиться от смертоносной привычки и не уверовать в Бога. Всё сошлось по промыслу Божьему в жизни Юрия Николаевича

Куранова: острый, живой от рождения ум и трепетная душа, которая тотчас откликнулась на красоту и слово, радужное детство в музее, красоту сибирских лесов и рек, способность слышать природу и дышать поэзией, расставание с алкоголем, деревенская тишина и желание принять веру...

С таким багажом писательского и житейского опыта Куранов пришёл к написанию повести «Тепло родного очага», которая впервые была опубликована в журнале «Октябрь» (№ 11, 1985) и спустя два года была издана в виде книги.

В мае двухтысячного года уже тяжело больной Куранов давал устное «Напутствие» (записанное его друзьями) молодым авторам. Он уже тогда видел проблему в семейных отношениях и сказал страшные, по своей сути, слова: «Я считаю, что сейчас гибнет наша семья. О гибели семьи я начал писать ещё 20 лет назад. Тогда я написал книгу за несколько лет: “Тепло родного очага”. Эта книга имела очень большой успех... Но я не мог так прямо говорить о значении церкви в семейной жизни, потому что тогда просто запрещалось о церкви писать... Поэтому мне только надо дать возможность работать в направлении спасения семьи нашей. А без семьи никакого общества быть не может. И спасения русского языка литературного и вообще русского языка, который гибнет. Вот об этом я могу говорить...» («Напутствие», альманах «Дуновение дюн», 2004, вып. 1).

II

Сборник «Тепло родного очага» представляет собой соединённые в единое целое новеллы, очерки, рассказы и эссе, затрагивающие тему семьи, семейных ценностей и отношений, – и всё это на историческом срезе разных времён. Последняя новелла «Тепло родного очага» дала название всему сборнику, тем самым подчёркнув, что автор стремился обозначить рамки «родного очага» в самом широком смысле. Новелла притягивает к себе все предыдущие повествования, раскрывая в самом конце книги её смысл. Да, да, конечно, тепло родного очага! Именно им согрета каждая страница, именно оно не даёт отложить в сторону книгу, согревает душу и копится в ней, чтобы надолго укутать читателя любовью...

Уточняет смысл названия эссе «Возжигание огня», в котором писатель приводит в пример острова Полинезии. Там есть древний обычай: девушка, согласная выйти замуж за парня, улучшает момент, когда он уходит в море, пробирается к нему в жилище и зажигает огонь. И парень, когда возвращается, видя в окне огонь, понимает, что его ждут и любят. Тепло родного очага влечёт его домой, к невесте. Молодые готовы к браку. Так, оформляя тему семьи в образ очага, который есть древний символ домашнего единства, безопасности, любви и духовности, Куранов подчёркивает, какими семейными ценностями он руководствуется в разговоре о семье.

Для него «родной очаг» – это и гнездо ласточки под крышей деревенского дома, и «вечерняя далёкая сторожка», и генерал Раевский вместе с его дочерью Марией, ставшей женой декабриста Волконского, и князь Дмитрий Донской с супругой Евдокией, и костромская колхозница с её шестью детьми, и Александр Пушкин с Натальей Гончаровой, и Анна Керн со своим вторым супругом, и Детский дом, и незнакомая дача, куда автор забрёл случайно, а также озёра и реки, леса и горы, на берегах и в тени которых разворачиваются события, описанные писателем.

Композиция книги такова, что современность в ней соседствует с далёкой историей, размышления с рассказом, тонкий гражданский пафос с мягкой лирикой. Всё близко друг от друга, всё взаимосвязано – именно так, как это и бывает в жизни. Для углубления в нашу проблематику можно (весьма условно!) выделить несколько групп произведений, взяв за основу их содержание и то, как автор отражает тему семьи – с помощью ли рассказа, путём ли экскурса в историю или прямого размышления на эту тему. К первой принадлежат «Прощание с молодостью, или Осенняя фантазия», «Вечерняя далёкая сторожка», «Немилосердное прощание», «Движение и шелест снегопада», «Неожиданное знакомство», «Уплывающие острова», «Тепло родного очага», «Семья Макаровых», «Семейная тропа».

Здесь главное то, что тема семейных ценностей раскрывается исподволь, как бы ненароком и скрыта за историями героев, которые могут быть предельно просты и даже незатейливы, но глубоки по своей сути. Самая первая из них, «Прощание с молодостью, или Осенняя фантазия» (открывает сборник) рисует перед нами житейскую картину: молодые муж и жена, деревенские жители, оба в кирзовых сапогах, идут к озеру, чтобы устроить стирку. Пока Антонина возится с бельём, Антон прогуливается по лесочку, который вдруг кажется незнакомым, и неожиданно встречает девушку, которую затем подвозит на её же машине к повороту.

Машина будто бы летит сама собой, в воздухе парит, «...нестерпимо яркие отсветы солнца плавились и текли по коленям девушки так, что слепили глаза». Всё приобретает оттенок нереальности. В рассказе есть доля мистики: девушка, когда Антон убегает от неё, кричит вдогонку, что напишет ему письмо, даже не зная его адреса! Блуждая по лесу, Антон в полудымке, то ли наяву, то ли во сне, видит пожилую супружескую пару, собирающую грибы. Женщина напомнила ему «не то Антонину, не то её давным-давно умершую мать». Вернувшись к жене, помогая ей с бельём, «Антон, держа в одной руке коромысло, другою рукой неожиданно для самого себя и как-то неуклюже обхватил Антонину за плечи и коротко поцеловал в леденистую красную щёку».

Простая бытовая картинка. Но сколько в ней заботливости друг о друге, молчаливой взаимной помощи и суровой нежности! Люди, не привыкшие к проявлению своих чувств, прекрасны, как может быть прекрасна сдержанная красота северной природы, в окружении которой мы видим супругов. В Антоне, который справился с искушением и не закрутил роман с незнакомкой, хотя та и склоняла его к флирту, оказалось достаточно крепости, чтобы не поддаться соблазну. Один жест – неловкий поцелуй в щёку – выдаёт всю нежность, которую он испытывает к жене, и скрытую ласковость Антонины, когда она со спокойным недоумением посмотрела на мужа.

По возвращении домой Антон действительно находит в почтовом ящике конверт с письмом без обратного адреса. Не дочитав, решительно сжигает послание. Ни тени сомнения, ни капли нравственного безумия нет в этом молодом человеке, одна только чистота, наподобие озёрной. Чистое озеро и чистая нравственность – в этом скрытом созвучии угадывается любование автора своими героями и природой.

Совершенным особняком стоит в первой группе художественный очерк «Уплывающие острова». Особняком, потому что слишком силён в нём накал авторской боли о детях, брошенных своими родителями, чтобы это можно было с чем-то сравнить в рамках сборника. Действие разворачивается на берегу Себежского озера в городе Себеже. Дивная картина глади озера, пароходиков на его поверхности, «наполненных гулом и посвистом ветра» облаков, «крошечных улочек с невысокими, театрално прилепившимися к откосу домиками» – всё располагало к благостному созерцанию природы, к наслаждению от любования озером и ощущения ранней весны.

Автор бродит по улочкам, разглядывая окрестности. «Невдалеке расположены остатки двух старинных усадеб Фонвизина и Державина. Чуть далее на север и на запад – усадьба отца Пестеля. <...> Замечательный источник бьёт здесь из песчаного грунта у озера, между водой и сосняком на взгорье». Благостная поэтическая картина отодвигается на второй план, когда автор видит за изгородью детей, привлёкших его внимание тем, что «...какая-то внутренняя заторможенность сердца чувствовалась в этих ребятишках. И одеты они были не очень старательно, хотя вполне добротнo. <...> Но не было вокруг них присутствия заботливого глаза или лелеющей руки». Оказалось, это Дом ребёнка, куда герой заходит и где его тотчас обступают молчаливые дети. Затем беседует с заведующей, ужасаясь тому, что есть матери, которые отказываются от своего дитя. Он слышит историю о четырёхлетнем мальчишке, который постоянно убегает на озеро, «...говорит, что он маму ждёт». Через окно женщина указывает на малыша.

С печальными мыслями покидает герой Дом ребёнка и на следующий день идёт на озеро и любовается открывающимися перед ним далями. «Отсюда, от самой поверхности озера, острова казались бесконечно далёкими, и движущимися, и тоже живыми, как и вся поверхность озера». Внезапно он видит вчерашнего мальчишку. На вопрос, что он здесь делает, тот, указывая на далёкие острова, говорит: «Катаюсь вот на этих островах... которые плывут по озеру». – «А что же там?» – спрашивает автор. «Там есть мама», – вздохнув, отвечает мальчик.

Удивительное случается позже, когда, взяв Костика за руку, герой ведёт его узкой улочкой в Дом ребёнка. Они догоняют женщину, по виду крестьянку лет сорока, в грубой одежде, с грубыми чертами лица, которая спрашивает: «Здесь, что ли, ребёнков отвергнутых содержат?.. Отсюда их берут?» Мальчик с криком «Мама!» бросается к женщине, на глазах которой заблестели слёзы. Мы понимаем, что эти двое нашли друг друга, как понимаем и то, что это не родная мать мальчишки, о которой заведующая говорила, что она молодая, броская женщина, официантка.

Рассказ заставляет надолго задуматься. О многом. О семье, о роли государства в воспитании семьи; о брошенных детях, о приёмных родителях, о гуманности и трезвости общества, о равнодушии или неравнодушии к сиротам, о взаимоотношениях между взрослыми и детьми; о том, насколько соотносится красота природы с красотой души и наоборот, в какое противоречие вступает; о том, кто

вырастает из таких детей; и в конечном итоге, о том, где же спрячется наше христианское милосердие, которое есть прививка от саморазрушения.

Проблема оставленных детей встаёт тут в полный свой рост, заставляя сердца содрогнуться от жестокости одних и плениться красотой бескорыстной любви других. Юрий Николаевич Куранов этим рассказом встряхивает всех нас, побуждая действовать. Как, каким образом действовать? Ответа он не даёт и не ставит никакого диагноза обществу, допускающему отказ матери от ребёнка. Нет, Куранов просто выпускает свою боль наружу, предполагая, что кто-нибудь на неё откликнется. Существование детей, из которых «будто... что-то вынута... которые расплачиваются за какие-то странные преступления, нет, лучше сказать, проступки, не то свои, не то чужие», недопустимо в гуманном обществе, считает автор. Так не должно быть, это не по-христиански! Вывод о расплате режет по сердцу каждого, кому знакомо чувство любви.

Изображая семьи, где царит любовь, писатель не может пойти против правды и не заметить процессов, ведущих к её разложению. В рассказе «Движение и шелест снегопада» он повествует о Татьяне и Бобе. Последний, поддавшись страсти, разводится с женой, оставляет ребёнка и женится на Татьяне, которой через несколько лет изменяет, как изменял первой супруге. Рассказ об очень простом, о том, о чём в народе говорят: «На чужом несчастье счастья не построишь». Так оно и выходит: начав совместную жизнь с обмана, обманом её и заканчивают. Татьяна наказана неверностью мужа, а тот – духовной и телесной деградацией. Автор показывает, что происходит, когда нарушается христианская заповедь «Не желай жены ближнего твоего», иначе наступит расплата. Пусть не явная, но она обязательно будет.

Вторая группа текстов («Ода генералу Раевскому», «Великая прекрасная княжна», «Что такое целомудрие?», «Возвращение», «Наш неоплатный долг», «И снова чудное мгновение») замечательна тем, что в этих произведениях автор выступает в качестве историка, раскрывая тему семьи через примеры из прошлого, тем самым увязывая непреходящие семейные ценности с теперешним днём, проверяя их крепость. Всё повествование вертится вокруг семьи. В этот круговорот Куранов вовлекает и нас, предлагая с разных точек зрения, с разных исторических позиций оценить то, что мы называем семьёй.

Вот перед нами «генерал от кавалерии Николай Николаевич Раевский» («Ода генералу Раевскому»). Это на самом деле ода, только в прозе, воспевающая генерала, восхваляющая его профессиональные и человеческие качества, моральные достоинства. На дворе 1812 год, идёт война России с Наполеоном. Писатель рисует образ красивого, патриотичного, скромного, кристально честного и мужественного, человека, который, не жалея себя и собственных сыновей, которых однажды «взял... с собою во главе колонны Смоленского полка», чтобы повысить боевой дух солдат, не раз побеждал противника. Во время Бородинского сражения «...батарея в центре русских позиций навсегда получит наименование батареи Раевского и под этим именем войдёт в историю славы русского оружия».

Раевский не только генерал. Он прекрасный многодетный семьянин, взращённый на глубоких семейных традициях. Куранов знакомит читателей с родословной Раевского, давая понять, что *Ex nihilo nihil fit* (лат. – из ничего ничто не происходит): оба деда и отец верно служили Отечеству, давая наказы Николаю следовать их примерам. Но более всего в жизни генерала Раевского Куранова поразила история одной из его дочерей, Марии, которая по велению отца, но отнюдь не по любви, вышла замуж за человека много её старше, «...за генерала Волконского, который будет осуждён как государственный преступник, а Мария последует за ним в тридцатилетнюю ссылку на далёкий сибирский рудник...»

Поступок Марии, отправившейся вслед за мужем-декабристом в Сибирь, писатель называет подвигом, видя в нём апофеоз супружеской верности и супружеского долга. Это совсем по-христиански – не оставить мужа в трудностях, а быть рядом с ним. «Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19, 5–6). Не могли остановить Марию ни уговоры семьи и угрозы отца, ни друзья, ни перспектива жить в бедности. Не особо любя мужа, она поехала за ним, ибо была христианкой, и это обстоятельство Куранов ставит во главу угла в семейной жизни. Он называет Марию «утёсом», глядя на её фотографию, где она запечатлена в пятидесятишестилетнем возрасте: «Эта женщина окаменела в своём величии, окаменела в своём несгибаемом мужестве, окаменела в своей незыблемой мощи жены, матери, подруги. <...> Такой становится верность, когда она превращается в подвиг».

Под стать Марии другой женский образ – Авдотьи, жены Дмитрия Донского. На этот раз писатель переносит повествование в XIV век, чтобы найти там примеры благочестивого семейного союза.

Опираясь на «Слова о жизни Великого князя Дмитрия Ивановича», раскрывает нравственный облик наших славных предков, показывающих пример христианской супружеской верности и любви. Перед своей кончиной Дмитрий Донской даёт наставления сыновьям – в духе православного учения, ориентируя их на христианские заповеди. Выказывая безграничное уважение к супруге, завещал, чтобы сыновья беспрекословно слушались мать. Автор, не скрываясь, показывает своё восхищение поэтическим слогом «Слова...» и в особенности супругой Донского, когда она, оставшись одна «с пятью сыновьями», вырастила их, воспитала в качестве будущих князей и постриглась в монахини.

Сам факт обращения Куранова к образу княгини Евдокии Донской, Преподобной Евфросиньи Московской в монастыстве, говорит о глубокой вере писателя в Бога, о его знании житий святых, в земле российской просиявших, среди которых Евфросинья Московская, супруга князя Донского. Она сделала для Московского княжества не меньше, чем её муж, когда осталась одна с малыми детьми после его кончины.

Физически хрупкая, она находила в себе силы, чтобы восстанавливать княжество после нашествия Золотой Орды, строить монастыри и противостоять Тамерлану – прежде всего духовно. В 1395 году, когда хан двигался на Москву, Евдокия вместе с народом совершала сугубые молитвы для избавления от вражеской напасти и посоветовала сыну, Великому князю Василию, перенести чудотворный образ Владимирской Божией Матери из Владимира в Москву. В тот же час Тамерлану, уже прошедшему Рязанское княжество, явилась «Светозарная жена», которая неустрашимо двигалась на него. Тамерлан в страхе повернул назад, отступив от Московского княжества.

Такие женщины, как Мария и Евдокия, с точки зрения Куранова, составляют стержень супружеских отношений и служат оберегом не только для конкретной семьи, но и для общества в целом, ибо они – как сваи в фундаменте, которые держат на себе дом. Сгнили, разрушились сваи, и нет дома. А куда они стоят, держится и дом – наше общество.

Плеяду женских образов продолжают Наталья Гончарова («Что такое целомудрие?»), Анна Керн («И снова чудное мгновение»), которых связывает личность поэта Александра Пушкина, и жена Иоганна Себастьяна Баха, Анна Магдалина. Куранов, напрочь отвергая всякие сплетни о Наталье Гончаровой, настаивает на её непорочности и верности мужу, на её «целомудренной красоте», которая переродила такого ловеласа, как Пушкин, превратив его в семьянина. Любовь и верность на многое способны! Про Анну Керн он пишет с неподдельным уважением, имея в виду её жизненную позицию: после кончины мужа она вышла замуж за своего троюродного брата, который ради неё оставил блестящую карьеру, а Керн, выйдя за него замуж, лишилась пенсионного содержания. Это был брак по любви и взаимному доверию, вопреки суждениям света. Браку суждено было, хоть и с определёнными материальными тяготами, стать крепким духовным союзом двух любящих людей.

Анна Магдалина, жена Баха, «вдохновенно» переписывала сочинения супруга, вела домашнее хозяйство, пела, обучалась музыкальной грамоте, следила за своей внешностью и внешностью мужа, была мила и приветлива со всеми, при этом воспитывала двадцать одного ребёнка – «семнадцать дочерей и сыновей и четверо детей от первого брака». Автор искренне любит молодую женщину, всю себя отдавшую служению семье. Он ставит Анну Магдалину, самоотверженно взявшую на себя тяготы многодетной семьи, на одну доску с её гениальным мужем. Писатель считает, что гениальность мужа сопоставима с её «супружескими достоинствами».

Куранов обращается к образам женщин, живших тогда, когда говорить об их роли в обществе было не принято. Тем не менее они добавляли живительную каплю в нравственное здоровье общества. Такие женщины – дочери, жёны, матери – столпы нравственности и залог семейного благополучия, считает писатель. Именно от женщин – о них Куранов говорит больше всего – зависит чистота и крепость семейных отношений, чего так не хватает в современной жизни, где напрочь утерян сакральный смысл понятия «женщина». Куранов делает попытку вернуть его обществу, напоминая нам, что женщина – это духовная чистота, мир и долг, прежде всего.

В историческом плане не забыта тема Отечественной войны. Эссе «Наш неоплатный долг» разворачивает перед нами драматическую картину отношений жены и мужа, только что вернувшегося домой. Всё дано в исключительных обстоятельствах, когда была вздыблена русская земля. За основу своих размышлений писатель берёт рассказ Андрея Платонова «Возвращение», потрясшего его будничностью измен в условиях военного времени и тем, как по-житейски мудро герои рассказа в конце концов молчаливо-тихо прощают друг друга. Они едва не сломались в многолетней разлуке, однако –

выдержали. Простив, с чистыми душами пошли по жизни дальше. Куранов не оправдывает героев платоновского рассказа, но понимает их. Понимает, что жизнь иногда сильнее обетов, но главное, сохранить в душе некий стержень, который даёт силы и право прощать и каяться.

К третьей группе можно отнести «Возжигание огня», «Равномерность падения капель», «Зачем люди женятся» и «О супружеской верности». В этих эссе заключена чёткая открытая позиция автора по отношению к семье. Здесь Куранов прямо и откровенно рассуждает о её роли в обществе и перво-степенном значении для государства. В миниатюре «Возжигание огня» называет семью «социальным лейкоцитом», «...который безошибочно и безостановочно действует, направляя развитие общества только в положительном направлении... положительное движение формирования общества, и личности в первую очередь, положительно для государства...»

При всём том, что писатель в «Напутствии» говорил, что семья гибнет, в данной миниатюре он утверждает: в нашем народе есть «тьма» семей с крепкими нравственными традициями, да мы «...не интересуемся тем, что буквально лежит под рукой, не пьём из колодца, который сам открывается на нашей дороге». С Курановым нужно согласиться, ибо пока телевидение и литература забиты ровно противоположными сюжетами, далёкими от воспевания супружеской верности.

Совершенно поэтический, проникновенно-лирический образ семьи создан в эссе «Зачем люди женятся?» Писатель вместо ответа на вопрос рассказывает о том, как в давние времена «гребенские казаки» возвращались с войны домой и как жёны омывали водой и обтирали полотенцами копыта их лошадей – в знак величайшей любви к мужьям и благодарности коням за то, что доставили домой в целостности и сохранности супругов. Верность, соблюдение христианских заповедей, единство взглядов, умение слышать и ждать друг друга – в этом Куранов видел залог семейного благополучия. К этому, как он считал, должны стремиться люди, чтобы сохранить себя в нравственной чистоте.

Превыше всего писатель ставил служение друг другу и верность. О ней он пишет в эссе «О супружеской верности», расширяя данное понятие, объединяя его с взаимопомощью, взаимопожертвованием, чувством ответственности и тесно увязывая с воспитанием детей. И это в высшей степени справедливо, ибо ложь делает ребёнка слабым и неуверенным в себе. Мы все желаем нашим детям счастья, но часто путаем счастье с материальными подарками, которыми пытаемся прикрыть свою ложь перед ребёнком.

III

Общий фон книги «Тепло родного очага» светлый, оптимистичный, несмотря на авторскую установку, что семья в качестве социальной ячейки погибает. Христианское мировоззрение, к которому Куранов пришёл в перестроечные и которое окончательно оформилось в постперестроечные годы, помогало ему смотреть на мир сквозь призму христианского оптимизма. Суть его в том, что вера, надежда и любовь, неотделимые от христианского православия, духовно питают людей, удерживая их от пропасти пессимизма. Кто верит в Бога, тот оптимистичен, ибо всё противоположное – это хаос и разрушение. Середины тут нет. Распятие Христа оптимистично, ибо свидетельствует о вечной жизни и прощении грехов. Воскресение Христа – это оптимизм, так как означает победу над физической смертью. Успение Божьей Матери оптимистично, потому что совершает переход Девы Марии из физической в небесную ипостась, наделённую правом спасать души людские.

В этом смысле все тексты книги освещены светом христианской любви автора к природе и людям, к Богу. Один только и есть пример, где автора можно заподозрить в нелюбви к героям, это рассказ «Движение и шелест снегопада», который оттеняет все остальные произведения. Он здесь словно для того, чтобы показать противоречивость мира, присутствие в нём пессимизма. Бездуховность героев, их далёкость от христианских ценностей страшна и, к сожалению, типична для наших дней, когда ещё больше, чем во время написания книги «Тепло родного очага», в обществе с опасной быстротой множатся измены и разводы. Критерии добропорядочности, морально-нравственных устоев размыты так, что теперь уже нужно говорить не о том, что семья гибнет, а признать её полную выхолощенность и свободу от каких бы то ни было этических рамок. Да, кое-где ещё держатся сваи, сохраняя наш общий дом, но хватит ли у них сил противостоять нравственной рже, буквально пожирающей общество?

Церковь не справляется с воспитанием молодёжи, которую редко можно видеть в храмах. Не успевают объять необъятное, хоть и растёт количество церквей и воскресных школ. Государство само-

устранилось от воспитания семьи. Оказывая ей материальную поддержку, что само по себе прекрасно, не делает ничего для формирования социального мнения насчёт семейных ценностей и крепости брака. Разбалансированное в идеологическом плане общество, словно корабль без навигационных приборов, плывёт, не подозревая о ждущих его на пути опасностях. Как итог – многие сейчас живут вне брака не только церковного, но и гражданского. Это привело к увеличению неполноценных семей, психологически травмированных родительскими разводами детей, заброшенности стариков и общей расшатанности отношений, из которых можно выпрыгнуть, как из надоевших джинсов, – без ответственности за свои поступки.

Становится очевидным, что во времена СССР мораль была искусственной. Стоило возникнуть внешнему искушению в виде жевательной резинки, джинсов и фильмов-боевиков в совокупности с эротическими фильмами, стоило ослабить узды коммунистической идеологии, как мораль рассыпалась и случилось то, что случилось. Теперь мы имеем моральную расхлябанность и вседозволенность, сдерживающим фактором которых во все времена является религия. Всё остальное направлено на саморазрушение. Книга «Тепло родного очага ценна тем, что обращает наше внимание на важность христианской морали, на достижение духовной гармонии, возможной только с Иисусом Христом.

Читая книгу, чувствуешь, что её общий тон окрашен философскими красками. Особенно это явствует в миниатюре-эссе «Равномерность падения капель», где поэтическая и жизненная мудрость автора представлена в потрясающем, одухотворённом образе стекающей в бочку дождевой воды во время грозного феерического ливня. Простая, будничная деталь деревенской жизни вызывает у автора бурю чувств и массу ассоциаций – с джазом, с ансамблем, с ликующими поэтами и музыкантами, с энергичными полководцами и деятельными руководителями, с неистовыми лицедеями. Все они, вовлечённые в энергию ливня, ликуют.

Но вот ливень заканчивается, и в бочку «беззвучно и уныло падают одинокие капли». Атмосфера повествования меняется, как меняются и ассоциации автора. Теперь ему представляются однообразные будни мужчин и женщин, простых работяг, вынужденных ежедневно заниматься своими делами, вытягивающими последние силы, которые убегают из них подобно падающим каплям... И станет нестерпимо жаль этих бедных людей. Однако фантазия автора уже уводит нас дальше, в будущее, когда, возможно, к бочке с водой подойдёт поэт и услышит ритм стиха в падающих каплях. Или приблизится композитор и замрёт поражённый звуками гармонии...

В данной миниатюре непревзойдённым образом показано переплетение частного и общечеловеческого, переход от будничного к высокому. Тут из капли воды сделано чудо! Куранов соединил в ней весь мир, заключив напоследок: «А что же можно нам сказать по поводу тех внешне незначительных мгновений, которые не просто уподоблены падению капли, а течению одной или многих... человеческих жизней, которые навсегда уже связаны одна с другою общностью крови, сердца, судьбы».

Обозревая единым взглядом произведения из книги «Тепло родного очага», можно сказать, что Юрий Николаевич Куранов вернул к жизни традицию XVIII–XIX веков – ставить в центре повествования семью, как это делали Фонвизин, Карамзин, Пушкин, Лермонтов, Островский, Тургенев, Чехов, Толстой. И в наших интересах последовать за его примером.

IV

В завершение сего скромного труда позволю себе сказать несколько слов о личном моём восприятии Куранова и о том, почему мне было так легко и радостно, так интересно писать о нём.

Случайно я наткнулась на «Тепло родного очага», на те строчки («Возжигание огня»), где Юрий Николаевич вспоминает стихотворение шотландского поэта Роберта Бёрнса:

Пробираясь до калитки
Полям вдоль межи,
Дженни вымокла до нитки
Вечером во ржи.
Очень холодно девчонке,
Бьёт девчонку дрожь:
Замочила все юбочки,
Идя через рожь.

Если кто-то звал кого-то
Сквозь густую рожь
И кого-то обнял кто-то,
Что с него возьмёшь?
И какая нам забота,
Если у межи
Целовался с кем-то кто-то
Вечером во ржи!..

Со студенческих университетских времён мне почему-то запало в душу это незатейливое стихотворение, в котором выделась простодушная юность, незапятнанная, наивная. При случае я читаю его как пример невесомости стиля и житейской простоты. У Куранова я прочитала мысли по поводу стихотворения, полностью совпадающие с моими. Юрий Николаевич писал: «Я всегда видел, вижу и буду видеть в этой чистой и прекрасной стихотворной новелле прежде всего целомудренную, почти детскую доверчивость одинокого и беззащитного сердца, которое ни при каких обстоятельствах нельзя обесчестить и обмануть... Нет цинизму и бесчестию места в этой коротенькой песне». Эти слова отозвались в моей душе и захотелось познакомиться с творчеством писателя поближе.

Когда узнала, что Юрий Николаевич любил средневековую японскую поэзию, конкретно Сэй Сёнагон, обрадовалась. Ещё бы! Я лет тридцать ношу с собой в сумочке книгу-миниатюру «Сборник японских танка», в котором танка Рубоко Шо и сто стихотворений ста поэтов (1235). Это даёт мне ощущение языка, ритма. Несколько времени спустя, читая Куранова, ощутила, как на меня дыхнуло тонкостью восприятия им красоты. В «Воспоминании о детстве» он писал о цветке, поразившем его воображение в детском возрасте так, что не смог сорвать цветок, а только любовался им. Моя повесть «Наполняется душа благодатью», на духовную тему, начинается подобной картинкой – я, четырёхлетняя, замерла в восторге над цветком... Любовь писателя к миниатюре тоже очень близка мне. Я учусь их писать, считая, что это один из самых выразительных жанров, в котором мысль и художественное слово владеют формой. Любовь писателя к Бунину также сблизила меня с Курановым, ибо считаю Бунина своим учителем. И тема семьи чрезвычайно важна для меня, как и тема православия.

Кто-нибудь насмешливо скажет, что подобные совпадения интересов не так уж и редки. Зачем придавать им значение? Подумаешь, любил и любишь японскую поэзию! Многие её любят. Многие любовались цветком, не смея его сорвать и чувствуя при этом чьё-то высшее присутствие. Многие любят Бунина за его чудную речь и трепетные сюжеты. Возможно. Всё так. Но мне захотелось иметь эти совпадения как знак преемственности интересов и взглядов, как знак того, что Куранов не забыт, что его любят, читают и ценят.

1–10 января 2024 г., Ессентуки

